

Раньше её губы, подобные розам, были нежны и прекрасны, но теперь они истлели, обнажая белые зубы. Нежная кожа стала синевато-серой, а по лицу ползали тонкие чёрные черви, искажая её некогда прекрасные черты. Её лицо стало выпуклым сверху и заострённым снизу, словно у пришельца.

Из горла Дэвида вырвался подавленный крик. Он инстинктивно замахнулся кулаком, но с ужасом обнаружил, что тело «Селины» словно болото — его кулак погрузился внутрь, а мощная сила втягивала его, несмотря на отчаянное сопротивление. Чёрные черви хлынули на него, закрывая всё поле зрения...

— Нет! — закричал Дэвид, широко раскрыв глаза, и обнаружил себя снова у входа в санаторий. Остальные члены съёмочной группы с недоумением смотрели на него.

Селина с усмешкой похлопала Дэвида по плечу:

— Ты чего орёшь?

— Я, наверное, галлюцинировал, — Дэвид глубоко вдохнул, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

Тёплый солнечный свет разогнал леденящий страх, и Дэвид расслабился, собираясь рассказать команде о произошедшем, как вдруг слова застряли у него в горле.

Рука Селины была оторвана от плеча. Нежная и тонкая рука всё ещё крепко сжимала плечо Дэвида, но сама Селина уже отошла, смеясь и болтая с Кимом и остальными. На солнце её золотистые волосы сияли, но у Кима и других лиц не было — их лица были совершенно плоскими!

Дэвид резко отшатнулся, дрожа, не смея пошевелиться.

Его кровь постепенно остывала, почти застывая в жилах — даже солнце больше не было его защитой. Он не мог понять, то ли эти призраки не боятся солнечного света, то ли сам свет был иллюзией.

Маленькая рука медленно двинулась к шее Дэвида, и холодная липкая поверхность коснулась его пульсирующей артерии —

Дэвид снова «проснулся».

Казалось бы, ничего не изменилось. Съёмочная группа, лучи солнца, пробивающиеся сквозь туман, — ничто больше не могло успокоить Дэвида.

С криком он ударил Селину, которая снова подошла к нему, ожидая, что это будет очередной

призрак. Но вместо этого он почувствовал тепло крови и мозгов на своих пальцах, увидел её широко раскрытые глаза, услышал хруст костей и её крик.

Ощущения были настолько реальными, что Дэвид долго стоял в оцепенении, прежде чем с ужасом осознал, что, возможно, убил свою коллегу. Когда он снова оказался у входа в санаторий, чувство облегчения накрыло его раньше, чем страх.

Это было начало нового ада. Грудь Дэвида тяжело вздымалась, словно сломанная гармошка, дыхание стало тяжёлым и прерывистым. В отчаянии он бросил метлу, которая снова оказалась у него в руках, и, рыдая, присел на корточки, обхватив голову руками, пока за его спиной призраки впивались острыми зубами в его плоть —

Всё кончено. Он действительно столкнулся с призраками.

В реальном мире, который Дэвид не видел, призраки стояли вокруг него, скучая, выстроившись в очередь и болтая:

[Почему мы все собрались вокруг него одного, ведь в съёмочной группе так много людей?]

[Директор сказал, что этот человек «хочет, чтобы его окружили все призраки санатория».]

[Да, директор ещё сказал, что они заплатили большие деньги, чтобы их напугали! Нам нужно показать всё, на что мы способны, и хорошо их развлечь... У современных людей, должно быть, совсем с мозгами не в порядке.]

[Разве он не главный актёр? Почему он так плохо понимает? Мы столько раз давали ему метлу, а он, чёрт возьми, даже не подметает!]

Через полчаса Ким, которого напугал повешенный призрак, упал с лестницы с третьего этажа на второй и, держа в руках швабру, наконец встретился с остальными.

— Хорошо... — режиссёр прочистил горло, явно тоже напуганный, его голос изменился, — кажется, если держать уборочный инструмент, призраки не нападают.

— А где Дэвид? — Селина, всегда державшаяся с изысканной грацией, с тряпкой в руках ростоно чистила серебряные приборы. — Где он?

— А-а-а!

Крик раздался из конца коридора. Дэвид, спотыкаясь, бежал к съёмочной группе, словно сумасшедший, бормоча:

— Визитка! Визитка! Данталион! Ким! Ким!

За ним тянулась вереница разнообразных призраков, плывущих по воздуху.

Ким ещё не успел опомниться, как Дэвид набросился на него, схватив за шею. Его глаза были полны крови, а безумный вид мгновенно совпал с образом главного героя «Ночи страха», которого представлял режиссёр. Эта истерика, страх и безумие были совершенно непохожи на его прежнюю сухую игру с криками и выпученными глазами:

— Дай мне! Дай мне его визитку! Данталион! Позвони ему!

— Успокойся, успокойся! — Режиссёр поспешно сунул метлу обратно в руки Дэвида и заставил его подмести несколько раз. — Если будешь работать, ничего не случится.

Режиссёр говорил это, нервно поглядывая на приближающихся призраков.

Они не рассеялись, всё ещё стояли вокруг, угрожающе наблюдая, но больше не нападали. Однако призрак режиссёра подплыл ближе, словно заметив, что он бездельничает, и тот поспешно снова принялся чистить перила.

Дэвид долго тяжело дышал, прежде чем немного успокоился. Увидев, что Ким цел и не превратился в монстра, Дэвид, известный своим образом крутого парня, вдруг разрыдался:

— Пожалуйста, позвони мастеру Данталиону, разве он не изучает технику ловли призраков?

Дэвид сразу изменил своё обращение, плача и продолжая подметать, как велел режиссёр. Неизвестно, что он увидел, но его напугало до такой степени.

Ким вздохнул:

— Я тоже хочу, но его телефон, кажется, настроен на «Не беспокоить». Звонок сбрасывается сразу, и он даже отправил сообщение: [Изучаю технику ловли призраков]. Я звонил в полицию, скорую, пожарных... Ни один звонок не прошёл.

— ... — Дэвид, в отчаянии, обошёл всех и обнаружил, что, кроме него, остальных преследовали максимум два призрака. Вспомнив, как он уверенно сказал Данталиону: «Хочу, чтобы меня окружили все призраки», он схватил метлу, и слёзы хлынули из его глаз. — У-у-у!

Тони, который как раз закончил чистить перила на первом этаже, поднялся на второй, держа тряпку, и, услышав рыдания Дэвида, подумал, что тот расстроен из-за того, что ему приходится подметать. Гнев вспыхнул в нём.

Рука, состоящая из пепла, крепко сжала тряпку и с силой ударила Дэвида:

— Рыдаешь, рыдаешь!

Он, Тони Старк, Железный Человек, весь превратившийся в горстку пепла, и всё ещё вынужденный чистить лестницу, разве он плакал?!

С каких это пор ты имеешь право плакать?!

За пять дней, проведённых в санатории, каждый в съёмочной группе пережил немало ужасов. Кто-то с ужасом обнаружил, что у призраков был чёткий график: восемь часов уборки, восемь часов отдыха и восемь часов «игр», так что у них почти возникло ощущение, будто они — свиньи на ферме, за которыми наблюдают, а за оградой стоят мясники, жаждущие их зарезать...

Конечно, никто не страдал больше Дэвида. Остальные иногда могли отвлечься, когда их призрачный надзиратель терял бдительность, но Дэвиду это не удавалось. Все призраки следили за ним, а жестокая рука из пепла, если замечала, что он ленится, била его тряпкой... Всякий раз, когда кто-то терял силы, они смотрели на Дэвида и находили в себе силы продолжать.

На рассвете шестого дня Данталион, как и обещал, пришёл за съёмочной группой.

Люди, толкаясь, выбежали за ворота, сбившись в кучу под солнцем, и смотрели на Данталиона, словно на спасителя.

Дэвид был самым взволнованным. Бросив метлу, он бросился к Данталиону, обнял его и зарыдал:

— Мастер, у-у-у, я был неправ, мастер, дадите ли вы мне свою визитку?

Дэвид, рыдая, отпустил Данталиона, достал телефон и с тревогой спросил:

— Мы можем добавиться в друзья?

Остальные члены съёмочной группы тоже подошли, прося визитки и добавляясь в друзья. Режиссёр, не медля, сразу выплатил гонорар.

Автобус съёмочной группы уехал под полуденным солнцем, как и приехал. Единственное отличие было в том, что актёры, которые по пути сюда яростно критиковали сверхъестественное, теперь молчали, как перепуганные куры. Дэвид был в ещё более плачевном состоянии, сидя у окна с пустым взглядом, всё ещё не оправившись от пережитого.